

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-363-374

Научная статья

Элегия и элегический модус художественности в поэзии Роб. Ахметзянова и А. Кушнера

А.З. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Статья посвящена рассмотрению особенностей элегии и элегического модуса художественности в русской и татарской поэзии 70–80 годов XX века. Фактическую основу исследования образуют стихотворения А. Кушнера, современного российского поэта, и Роб. Ахметзянова, известного татарского лирика XX века. Установлено, что элегия не вошла в круг традиционных жанров татарской (шире — восточной) поэзии, ее генетические корни связаны с другими формами, например марсией. Сделан вывод о том, что поэтический цикл «Көзге элегияләр» («Осенние элегии») Роб. Ахметзянова достаточно полно передает самобытность татарского художественного сознания, его литературную идентичность, проявляющуюся в способности соотносить с формой стиха, с ее архитектурными принципами свои глубинные переживания. Сопоставительный анализ показал, что субъективное и объективное в элегиях Роб. Ахметзянова существует в иной, менее выраженной форме противопоставления, чем в русской элегической традиции, что обусловлено связью художественного мышления татарского поэта с народной поэзией. В частности, в лирическом цикле автор обращается к парным образам, например, «ике алма» («два яблока»), которые также встречаются в татарской песне. Исследование подтвердило, что творчество Роб. Ахметзянова можно рассматривать как «катализатор» элегии в национальной литературе XX века: элегическая форма и ее приемы способствовали узнаванию жанра, к тому же элегия стала сферой репрезентации авангардного духа творчества татарского автора. В поэзии же А. Кушнера элегическое и идиллическое взаимодействуют в одном лирическом сюжете, трансформируя тем самым устойчивые черты названных жанров и их модальностей («Уходит лето», «Мне кажется» и др.).

Ключевые слова: элегия, элегическая модальность, идиллия, идиллический мир, Роб. Ахметзянов, А. Кушнер, сопоставительная поэтика, авангард

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16.04.2020

Дата принятия к печати: 29.07.2020

Модератор: О.А. Валикова

© Хабибуллина А.З., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хабибуллина А.З. Элегия и элегический модус художественности в поэзии Роб. Ахметзянова и А. Кушнера // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 3. С. 363—374. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-363-374

Research Article

Elegy and Elegy Mode of Artistry in the Poetry of Rob. Akhmetzyanov and I.A. Kushner

A.Z. Khabibullina

Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan city, 420008, the Republic of Tatarstan, Russian Federation

The article is devoted to the examination of elegy features and elegy mode of artistry in Russian and Tatar poetry of 70—80's XX century. The actual basis of the research is formed by A. Kushner's poems, modern Russian poet and Robert Akhmetzyanov, known Tatar lyric of the XX century. It is stated that elegy was not included in the circle of traditional Tatar poetry genres (wider — oriental), its' genetic roots are bound with other forms like "marsiya". The author comes to the conclusion, that poetic cycle "Kozge elegiyalar" ("Autumn elegies") by Rob. Akhmetzyanov fully depicts the identity of Tatar artistic consciousness, its' literary identity, reflecting in its' ability to correlate its' deep experiences with poem form and with its' architectonic principles. The comparative analysis has shown that subjective and objective in Rob. Akhmetzyanov's elegies exist in a different, less expressive form of contradiction than in the Russian elegy tradition, which is marked by the connection of the Tatar poet's artistic way of thinking with folk poetry. Particularly, in the lyrical cycle the author resorts to paired images, like "ike alma" ("two apples"), which also appear in the Tatar song. The research proved that Rob. Akhmetzyanov's creativity can be considered as "catalyst" of elegy in the national literature of the XX century: elegy form and its' techniques contributed to the genre recognizability, more than that, elegy became the field of representation of the avant-garde spirit of the Tatar author's creativity. In the A. Kushner's poetry elegy and idyllic interact in the same lyrical plot, thus transforming the stable features of the genres mentioned and their modality ("Ukhodit leto" ("The summer's leaving"), "Mne kazhetsya" ("It seems to me") etc.

Key words: elegy, elegy modality, idyll, idyllic world, Rob. Akhmetzyanov, A. Kushner, comparative poetics, avant-garde

Article history:

Received: 16.04.2020

Accepted: 29.07.2020

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Khabibullina, A.Z. 2020. “Elegy and Elegy Mode of Artistry in the Poetry of Rob. Akhmetzyanov and I.A. Kushner”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (3), 363–374. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-3-363-374

Введение

Рассмотрение того, как связаны между собой русская и татарская элегия, представляет в настоящее время дискуссионную область сопоставительной жанрологии как одного из разделов сопоставительной поэтики национальных литератур. Развивает данную тенденцию заметное внимание татарских лириков второй половины XX — первых десятилетий XXI века к элегическому жанру, что подтверждает творчество Роб. Ахметзянова, Р. Файзуллина, Ш. Анака, Р. Аймета, Р. Гаташа.

Проблемизирует исходную ситуацию то обстоятельство, что элегия исторически не вошла в круг традиционных жанров татарской поэзии XIX — нач. XX века. Вместе с тем, по мнению ученых (Г. Ибрагимов, Г. Халит, Р.З. Яхин, Н.Х. Лаисов), элегическое начало соответствует природе национальной литературы, татарской литературной идентичности в целом. При этом исследователи видят генетическую связь элегии с другими восточными жанрами, в частности *марси*.

Очевиден факт, что такие черты элегии, как субъективность, отсутствие фабулы, «воскрешение картин радостного прошлого, контрастирующего с печальным настоящим», «однообразный элегический тон, принадлежащий субъекту лирического рассказа», — все это указывает на обособление чувства личного Я в татарском художественном мировосприятии в XX веке [1. С. 63].

Выскажем в этой связи предположение: элегия как жанр русской литературы гомологична разным формам татарской поэзии, в которых высшую ценность приобретает стремление к «гармоническому примирению противоречий бытия», обостренное чувство нарушения внутреннего равновесия, порождающего уединение и тоску, наконец, размышления о смерти [2. С. 118].

Предпринятый подход к изучаемой проблеме также подтверждается современными исследованиями категории жанра (Ж. Женетт, Ю. Тюпа, Н. Тамарченко, С.М. Зенкин, Е.Н. Рогова). Так, согласно взглядам С. Зенкина, «жанры можно изучать как типы развертывания речи или как типы ее завершения, как бесконечную деятельность, или как законченный объект, который она производит. В этом смысле полезно разграничивать *жанры дискурса* и *жанры текста* (выделено нами. — А.Х.): есть романическое и есть роман, есть трагическое и есть трагедия» [3. С. 241]. С позиции сопоставительной поэтики разграничение в жанрах различных «типов развертывания речи» достаточно значимо, так как это предполагает выход за пределы универсальности разных моделей жанров в ту абстрактную и воображаемую область, где могут пересекаться и находить свое выражение неоднородные ситуации, предметы, персонажи, сложившиеся в многообразии жанров в разных национальных литературах.

В этом плане актуальным представляется рассмотрение элегического жанра в лирике татарских поэтов XX века как с точки зрения его сопоставления с русской элегией XIX—XX веков, так и ее модальности. Мы полагаем, что продуктивными

в таком аспекте анализа будет диахронный и синхронный способы сопоставления национальных литератур.

Обсуждение

Обратимся к сопоставительному исследованию элегии Роб. Ахметзянова, татарского поэта 70—80 годов XX века, и А. Кушнера — современного российского поэта. Нужно отметить, что рассмотрение их творчества в сопоставлении до сих пор не составляло предмет компаративных исследований.

В творчестве Роб. Ахметзянова элегия — жанр особенный: он обращался к нему почти в каждом из своих поэтических сборников. Так, в сборник «Тургай тэрэзэсе» («Окошко жаворонка», 1995) вошел цикл «Көзге элегияләр» («Осенние элегии») [4], составленный из стихотворений разных лет, но объединенных тонкими и глубокими переживаниями самого автора; в них ошутима элегическая тональность, они в целом соответствуют архитектонике элегического жанра, ее устойчивым чертам.

Уже в первой элегии «Ике алма өзелеп төште таңда» («В рассвет сорвалась пара яблок»), на наш взгляд, проявилась одна из особенностей татарского художественного мышления — тяготение к двуплановости, порождающее внимание к парным символам и понятиям. В элегии Роб. Ахметзянова — это «ике алма» («пара яблок»), образ, символизирующий гармонию в любви, единство чувств:

<...> эзләр калган... Анда ике алма,
бер-берсенә елышып, көзге таңда
көтеп ята гүя безне: «Тагын
килерләр, дип, икәү безнең янга...»
[4. С. 135]

<...> следы остались... Вот пара яблок
Словно ждет нас, осенним утром,
прильнув друг к другу, будто говоря:
«Влюбленных пара вновь придет сюда...»

(перевод Л.Ф. Переведенцевой)

Через все произведение проходит образ осени, отличающейся богатым спектром коннотативных значений: несмотря на переживание тоски и одиночества, которое он эмоционально несет в себе, картина увядающей природы порождает присутствие «смешанных ощущений» — особого состояния субъекта татарской элегии [1. С. 17—18]. Так, «смешанные чувства» в первой элегии Роб. Ахметзянова — это печаль об ушедшем времени и одновременно радость от того, что в мир входит осень — время вдохновения, воспоминаний и торжества прекрасного.

Кошлар төшә жанга кунактарга.
Ике алма төсле ике йөрәк
аерым-аерым яна безнең көйрәп,
көзләр аша яна, еракларда!...
[4. С. 135]

Ах, птицы, ваша песнь — душе отрада,
Два сердца, словно яблок пара,
огнем горят, нас вдохновляя,
сквозь осень, в будущее — сквозь года!..

(перевод Л.Ф. Переведенцевой)

Интересно отметить, что почти каждая из элегий, вошедших в цикл, завершается *мотивом вдохновения*. Лирический субъект, переживая смешанные чувства: и тоску, и печаль об ушедшей молодости — видит в осени время творчества. Можно утверждать, что мотив печали здесь не перерастает в мотив смерти и обновления жизни как традиционных мотивов кладбищенской и унылой элегии в русской поэзии (Жуковский «Сельское кладбище», Пушкин «...Под небом голубым страны своей родной», «Я видел смерть; она в молчанье села»). Он несет в себе чувство примирения и, как результат — своеобразный переход к «высокому регистру», в котором чувствуется и торжество прекрасного, и выражается высокий идеал поэта, как, например, в элегии «Агыйнештэ каен яфраклады» («Неслышно гонит родниковая вода»).

В свете сказанного мы полагаем, что поэтика элегий Роб. Ахметзянова достаточно близка к традициям русской поэзии XIX века. Как отмечал по этому поводу О.В. Зырянов, «...что касается Пушкина, то в его элегиях таким медиатором (наряду с мечтой) выступает также ценностная категория памяти, связанная с органической для поэта установкой на «чужой» мир, другой тип сознания» [2. С. 170]. В элегиях Роб. Ахметзянова другим типом «сознания», иным ракурсом внутреннего Я выступает такое восприятие мира, в котором ощутим выход к самым возвышенным чувствам, рождающим вдохновение.

Стремление распахнуться навстречу другому Я репрезентировано также в особом внимании татарского поэта к миру природы и ее образам. Природные образы создают присутствие *воображаемого мира*, в котором словно «замирает» красота — недостижимый идеал самого поэта. Хронотопической же репрезентацией прекрасного является осенний сад — сакральное пространство, которое существует наряду с реальной картиной жизни и олицетворяет самые глубокие и невыразимые чувства элегического субъекта.

Таким образом, состояние грусти — устойчивое для лирического героя татарской элегии. Оно повторяется от строфы к строфе, от одного стихотворения к другому в данном поэтическом цикле, постепенно погружая читателя в особенную красоту вечернего пейзажа, в сумерки. Это удивительное время, которое выражает переход от одной «фазы» жизни к другой:

И сумерки, когда тот сад накроют,
То будто оживут следы на тропке,
И тень влюбленных до рассвета бродит
И на листву любви слова ложатся робко.....

(«Ике алма өзелеп төште таңда» —
«В рассвет сорвалась пара яблок»)
[4. С. 135].

Здесь вполне уместен комментарий В.Э. Вацура: «Избрав этот момент перехода от дня к ночи, от “деятельности” к “покою”, элегия еще более подчеркивает лексико-грамматическими средствами самый процесс протекания времени, делая читателя его соучастником, продуцируя сопереживание» [1. С. 57]. Можно утверждать, что в описании «сумеречного состояния» природы татарская поэзия была также близка к поэтике данного жанра.

В татарской элегии XX века, в частности в творчестве Роб. Ахметзянова, лирический субъект достаточно органичен природе, он глубоко понимает ее живую духовную жизнь. Кроме того, мы полагаем, что субъективное и объективное в элегиях Роб. Ахметзянова существует в иной, менее выраженной форме противопоставления, чем в русской литературе, что обусловлено связью художественного мышления татарского поэта с народной песней (длинной и короткой). Интересно в этой связи отметить, что образ «ике алма» («пара яблок»), к которому обратился Роб. Ахметзянов в элегии «В рассвет сорвалась пара яблок», соответствует образам фольклорной песни татар. Так, Г. Рахим («Взгляд на нашу народную словесность»), обосновывая прием «ассоциации идей» в поэтике коротких песен, приводит произведение, в которой он встречается:

Йөгереп чыктым урамга, тэгэрэп килэ пар алма,
Пар алма дай, пар китереп, кавыштырсын бер Алла.

Выбежал я на улицу — катится пара яблок,
Словно пару яблок, пусть соединит нас Аллах [5. С. 79].

(перевод М.И. Ибрагимова)

Мы считаем, что соотнесение элегических воспоминаний субъекта переживаний с народной поэтикой во многом обусловлено основной тенденцией жизни татарской поэзии 70—80 годов XX века. Согласно взглядам Д.Ф. Загидуллиной, начиная с 1960 годов происходит «сдвиг в художественной парадигме в татарской поэзии» под влиянием народной песни [6. С. 26]. Исследователь пишет: «...элегичность, воссоздание ощущения возврата к национальным истокам — к народной культуре, нравственно-религиозным ценностям, образной системе татарского фольклора, в стихосложении — к основам традиционной силлабики стали теми свойствами, которые характеризовали не только творчество отдельных поэтов, но и поэзию 1960—1980-х годов в целом» [6. С. 26].

Справедливо утверждать, что элегии Роб. Ахметзянова, основанные на элементах поэтики и образной системе татарской песни, выражают иной, чем в русской литературе, аспект видения событий прошедшей жизни, этапов внутренних переживаний героя. Это позволяет сделать вывод о том, что татарское художественное сознание, находясь в поле диалога с русской классикой, вместе с тем сохраняло черты национальной идентичности, которая по-своему проявилась как в отношении к проблеме субъективного и объективного в архитектонике элегии, так и к *категории времени*. К примеру, в стихотворении Роб. Ахметзянова «Озата бара ак диварлар» («Нас провожают белокаменные стены», 1973), вошедшего в анализируемый цикл, нет абсолютизации прошлой жизни, как в традиционной элегии, напротив, все произведение построено на присутствии насто-

ящего момента художественных переживаний лирического субъекта, что раскрывается в таких выражениях, как «озата бара безне» («нас провожают»), «исэ жилләр» («ветры дуют»). Через них, тем не менее, подобно элегии в русской поэзии, передается плавное, словно путь тянующихся облаков, ощущение движения временного потока:

Безне озатып ак үрлэргә менә
ел артыннан ел...
...Кар артыннан кар

Нас провожая, к белоснежным высям
устремляется за годом год...
...*За снегом снег...* [4. С. 138].

(перевод Л.Ф. Переведенцевой)

Интересно отметить, что автор использует традиционные для его лирики образы: образ дождя, ветра, белоснежных облаков. Вместе с тем с их помощью выстраивается не ретроспективное движение к прошлому (линейное время), как в традиционной элегии, а некая «вертикаль» памяти: от стихийного, почти неуловимого осознания себя в прошлом к пониманию того, что человек — лишь часть вселенского бытия, «вершинным» знаком которого являются высокие белоснежные облака.

Суть элегического Я в этой элегии — в осознании конечности бытия человека перед вечной и сильной природой. Однако эмоция уныния, которая является основной в произведении, сопряженная с мотивом движения неба и белого снега, вместе с тем не порождает противопоставление («разобщенность») лирического субъекта с окружающим его вселенским бытием подобно тому, как это состояние характеризовало элегию и элегический модус художественности в русской поэзии.

Мы полагаем, что такая особенность архитектоники элегии Роб. Ахметзянова соответствовала авангардным поискам татарского автора. На наш взгляд, элегия «Озата бара ак диварлар» («Нас провожают белокаменные стены») основана на элементах синтеза изучаемого жанра с другими формами, которые вошли в татарскую поэзию второй половины XX века, и прежде всего идиллии.

Именно идиллией «Чыкты бер болыт...» («Возникла туча...») автор завершает свой цикл «Осенних элегий». Между произведениями разных жанров не только композиционная связь. Образы элегии «Нас провожают белокаменные стены» (снег, дождь, облака) в финальном стихотворении выступают в совершенно другом жанровом дискурсе: противоречия лирического субъекта здесь «разрешаются» полностью, задавая естественный ритм жизни природы и человека. Последним же свойственна психология единения и гармоничная целостность между собой.

В этом аспекте интересным видится сопоставление элегий и идиллии Роб. Ахметзянова со стихотворениями А. Кушнера, в творчестве которого элегическая и идиллическая модальности по-своему находят свое выражение. Такое сопоставление основано на синхронном принципе исследования русской и татарской литератур.

Элегическому творчеству А. Кушнера посвящена достаточно большая исследовательская литература. Так, в учебном пособии «Современная русская литература» Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого произведения А. Кушнера рассматриваются через призму элегической традиции [7]. Об элегичности художественного мышления российского поэта писали И.Б. Роднянская, Е.И. Фетисова, В.И. Козлов и др. Ими отмечалось, что, хотя данная форма сознательно не идентифицировалась автором, элегизм мировосприятия — важнейшая черта его многих стихотворений: «Быть нелюбимым! Боже мой!», «Человек привыкает», «Осень», «Ну прощай, до завтра», «Я-то помню еще пастухов...», «Мне кажется...», «Читая шинельную оду...», «Я посетил уют холодный твой вблизи...» и др. В них значительное место отведено поэтически глубоким, поражающим философской тонкостью размышлениям о быстротечности бытия, движении ускользающего времени, о стремлении человека найти свое счастье. По мнению В.И. Козлова, в этом аспекте поэтика кушнеровских произведений близка к приемам и мотивам аналитической и кладбищенской элегии [8].

Среди произведений А. Кушнера, основанных на выражении элегического модуса художественности, выделяется стихотворение «Мне кажется...», которое опубликовано в сборнике «Четыре десятилетия», в разделе «Восьмидесятые».

Обращение к нему неслучайно. Несмотря на то, что автор не упоминает данный жанр в заглавии стихотворения, в нем передается одно из основных состояний элегического субъекта — нарушение гармонического равновесия, несогласия Я поэта с миром. Именно оно, как известно, является концептуальным свойством как самого жанра элегии, так и ее модальности. В этом аспекте произведение иллюстрирует момент выхода лирического субъекта из целостной картины действительности, экзистенциальную разобщенность с ней. Такое пограничное состояние переживается субъектом элегии глубоко внутренне.

Уже в самом начале стихотворения звучит элегический по своей тональности мотив ухода («жизнь прошла»), указывающий на воображаемую границу жизни и смерти: она неявно осознается субъектом переживания как неразрешимый конфликт времени в его личном пространстве бытия (это подчеркивает троекратный повтор слов «мне кажется...»).

Мне кажется, что жизнь прошла.
Остались частности, детали.
Уже сметают со стола
И чашки с блюдами убрали.
Мне кажется, что жизнь прошла.
Остались странности, повторы.
Рука на сгибе затекла.
Узоры эти, разговоры... [9. С. 154].

Стихотворение достаточно зримо раскрывает черты элегического мировосприятия. Это — и эмоция уныния, охватившая героя, и уединение, уход в мир собственных чувств и рефлексии над течением своей жизни; наконец, абсолютизация прошлого, которое хранит в себе память о лучших годах. Кроме того, элегизм в стихотворении создается за счет другого приема: сложного совмещения,

подобного текучему потоку сознания, противоположных настроений: появление мистической гостьи в доме рождает в субъекте чувство возрождения жизни («смешанные ощущения»):

Беседа дрогнула, запнулась,
Потом настроилась опять,
Уже при ней, — и жизнь вернулась

(выделено нами — А.Х.) [9. С. 154].

Однако отметим, что в творчестве А. Кушнера элегичность восприятия тесно взаимодействует с идиллической модальностью — одним из пластов художественного мышления поэта. Такая сложная, но неразрывная связь разных сторон духовного и жанрового мира русского лирика была всесторонне рассмотрена в статье В.И. Козлова «Вооруженное чудо Александра Кушнера». В ней автор тонко замечает, что «Кушнер — поэт, скорее, вышедший из элегической традиции и постепенно сформировавший свою магистральную поэтику, основывающуюся на идиллическом мировоззрении. То есть, буквально перефразируя Роднянскую (исследователь творчества А. Кушнера — А.Х.), — он элегик чем дальше, тем меньше» [8]. В статье «Идиллия в XX в. — стратегия эскапизма (на примере поэзии И. Бунина, Б. Пастернака, А. Кушнера)» автор отмечает, что «Александр Кушнер в стремлении выгородить в пространстве культуры идиллическое пространство зашел гораздо дальше. Настолько, что не будет большим преувеличением сказать о случае экспансии идиллической картины мира в самые разные жанровые области» [10. С. 43].

Опираясь на данный вывод, отметим, что если для татарского поэта важнейшим является разграничение двух жанров, сознательный переход от элегии к идиллии, сохранение их архитектурных свойств, то в поэзии Кушнера элегическое и идиллическое тесно взаимодействуют в одном лирическом сюжете, трансформируя тем самым устойчивые черты названных жанровых форм и их модальностей.

Так, в стихотворении А. Кушнера «Уходит лето. Ветер дует...», вошедшем в цикл «Семидесятые», мотив движения, неумолимого бега времени и приближения его к финальной черте напоминает элегию, созданную, однако, на едва заметной идиллической основе. Идиллический модус художественности возникает из Я субъекта, его духовно наполненного состояния, из тех чувств, которые были рождены от единства с миром. Вместе с тем такой опыт неразрывен с элегической темой, задающей в стихотворении ясное ощущение необратимого бега лет: время, подобно сильному ветру, движется вперед, настойчиво и стремительно, минуя желания и силы человека, равнодушно вырывая его из идиллической целостности прошлого.

Уходит лето. Ветер дует так,
Что кажется, не лето — жизнь уходит...
Уходит свет. Уходит жизнь сама.
Прислушайся в ночи: любовь уходит,
Оставив осень в качестве письма,
Где доводы последние приводит.

Уходит муза. С кленов, с тополей
Летит листва, летят ей вслед стрекозы.
И женщины уходят все быстрее,
Почти бегом, опережая слезы [11].

Возникающая в произведении рефлексия лирического субъекта — это рефлексия согласия с законами вечной природы, примирения с ними, один из которых — неумолимый ход времени — к его самому исходу, концу. Это открытие субъекта переживания, знаменующее собой выход из гармоничного и целостного соответствия природе, разъединение с ней, уверенно подчеркивает рефрен «уходит»: «уходит лето», «жизнь уходит», «уходит муза», «уходит свет». Названный рефрен, как и в стихотворении «Мне кажется...», ясно иллюстрирует элегическое мироощущение, более сложное, психологически противоречивое, чем в идиллии, но формирующееся из прежних, более ярких и целостных чувств.

Как мы видим, тема прошлого через призму неопределенного будущего, признание торжества времени (природы) над человеком — это в большей мере элегическая тема, разворачивающаяся у Кушнера в идиллическом восприятии мира: в нем когда-то было лето, мечты о любви, вдохновение от полноты жизни. Знаками утраченного мира юности (утраченного счастья) являются природные образы, которые олицетворяются в стихотворении. Так, через призму идиллического мировосприятия создается удивительный образ убегающего лета (молодости):

И ежится, и ускоряет шаг,
И плечиком от холода поводит.
По пням, по кочкам, прямо по воде.
Ей зимние не по душе заботы [11].

Напротив, в лирическом цикле Роб. Файзуллина «Осенние элегии» обратная ситуация: из элегии, создающей ясное ощущение утраты, ушедшего навсегда времени, молодости, лирический субъект вырывается в идиллический мир («Возникла туча...»). Здесь он «освобождается» от внутренних противоречий: его Я «расширяется» в целостности мира, приобретая гармонию с ним. Так субъект переживаний становится частью вечной природы.

Как отмечалось выше, в отличие от А. Кушнера, который был достаточно свободен от жанровых пристрастий в своем творчестве (поэт не дает каких-либо указаний на жанр своих произведений, он сознательно не выбирает элегию как основную форму своих стихов), Роб. Ахметзянов подчеркивает свой выбор, следуя при этом тем различиям, которые характерны для поэтики элегии и идиллии.

Заключение

Мы полагаем, что такая особенность жанрового мышления татарского поэта связана с тем, что в его родной литературе прошлых эпох большое значение имела поэтика канонических и твердых форм, таких, как газель, рубаи, касыда, кыйтга. Ахметзянов стихийно следовал ей, вплетая строгость и традиционность этих жанров в свое творчество. Элегия, с этой точки зрения, сохраняет свойства канонического жанра, она упорядочена в свете устойчивых мотивов (например,

мотива смерти, воспоминания о прошлом), а также приемов и принципов элегии («смешанные ощущения»), архитектоники ее инвариантных свойств.

Исследование подтверждает, что те внутренние переживания лирического субъекта, которые содержала в своем огромном потенциале татарская поэзия XIX — начала XX веков, достаточно свободно формализовалась в элегию, в концептуальные свойства стиха на уровне мотивики, тропеического языка, субъектно-объектных отношений. С этой точки зрения, стихотворения Роб. Ахметзянова, его поэтический цикл «Осенние элегии» полно передают самобытность татарского художественного мышления, его литературную идентичность, проявляющуюся в способности соотносить с формой стиха, жанром свои глубинные стихийные художественные переживания и чувства. Этому, на наш взгляд, способствовал опыт татарской поэзии до второй половины XX века, направленный, как известно, на формализацию мира литературы, углубление его в жанр, в «структуру мысли». В этом аспекте творчество Роб. Ахметзянова можно рассматривать как «катализатор» элегии в национальной поэзии XX века: данная форма и ее приемы способствовали узнаванию жанра в литературе, к тому же элегия стала сферой репрезентации авангардного духа творчества татарского автора.

Список литературы

1. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994.
2. Зырянов О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003.
3. Зенкин С.Н. Теория литературы. Проблемы и результаты: учеб пособие для магистрантов и аспирантов. М.: Литагент НЛО, 2018.
4. Әхмәтҗан Роб. Тургай тәрәзәсе [Окошко жаворонка]. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. (на татар. яз.)
5. Рәхим Г. Сайланма әсәрләр / төз. М.И. Ибраһимов, А.М. Гайнетдинов. Казан: Ихлас, 2018 (на татар. яз.)
6. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX—XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: монография. Казань: Татар. книж. изд-во, 2018.
7. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2. Семидесятые годы (1968—1986): учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Козлов В.И. Вооруженное чудо Александра Кушнера / The armed miracle of Aleksander Kushner (13.03.2018). URL: <http://prosodia.ru/?p=2487> (дата обращения: 01.07.2020).
9. Кушнер А. Стихотворения. Четыре десятилетия. М.: Прогресс-Плеяда, 2000.
10. Козлов В.И. Идиллия в XX в. — стратегия эскапизма (на примере поэзии И. Бунина, Б. Пастернака, А. Кушнера) // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 37—47.
11. Кушнер А. Семидесятые. URL: <https://www.kushner.poet-premium.ru/semidesyatye.html#12> (дата обращения: 04.04.2020).

References

1. Vacuro, V.E. 1994. Lirika pushkinskoj pory. «Elegicheskaya shkola». St Petersburg: Nauka. Print. (In Russ.).
2. Zyryanov, O.V. 2003. Evolyuciya zhanrovogo soznaniya russkoj liriki: fenomenologicheskij aspekt. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Print. (In Russ.).
3. Zenkin, S.N. 2018. Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty: ucheb posobie dlya magistrantov. Moscow: Litagent NLO. Print. (In Russ.).

4. Әһмәтҗан, Роб. 1995. Turgaj tәрәзәse [The lark's window]. Kazan. Tatar. kit. nәshr. Print. (In Tatar).
5. Rәһim, G. 2018. Sajlanma әsәrlәр [Selected works] / tәz. M.I. Ibrahimov, A.M. Gajnetdinov. Kazan: Ihlas. Print. (In Russ., in Tatar.).
6. Zagidullina, D.F. 2018. Tatarskaya poeziya i proza rubezha XX—XXI vekov: esteticheskie orientiry i hudozhestvennye poiski: monografiya. Kazan': Tatar. kni. izd-vo. Print. (In Russ.).
7. Lejderman, N.L., and M.N. Lipoveckij. 2001. Sovremennaya russkaya literatura: v 3-h kn. Kn. 2. Semidesyatyе gody (1968—1986). Moscow: Editorial URSS. Print. (In Russ.).
8. Kozlov, V.I. 2018. Vooruzhennoe chudo Aleksandra Kushnera. Web. <http://prosodia.ru/?p=2487> (date of access 01.07.2020). (In Russ.).
9. Kushner, A. 2000. Stihotvoreniya. CHetyre desyatiletiya. Moscow: Progress-Pleyada. Print. (In Russ.).
10. Kozlov, V.I. 2017. “Idilliya v XX v. — strategiya eskapizma (na primere poezii I. Bunina, B. Pasternaka, A. Kushnera)”. *New philological bulletin* 4 (43): 37—47. Print. (In Russ.).
11. Kushner, A. Semidesyatyе. Web. Access: <https://www.kushner.poet-premium.ru/semidesyatyе.html#12> (data obrashcheniya 04.04.2020). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Хабибуллина Алсу Зарифовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru
ORCID 0000-0002-3332-4066 <http://orcid.org/0000-0002-3332-4066>
SPIN-код 463512 http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=463512

Bio Note:

Alsu Z. Khabibullina is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru
ORCID 0000-0002-3332-4066 <http://orcid.org/0000-0002-3332-4066>
SPIN-code 463512 http://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=463512